

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47).08–057.4

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО И ЗАПАДНИЧЕСТВО В СУДЬБЕ РУССКИХ ИСТОРИКОВ: К ИСТОРИИ ЛИЧНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В. И. ЛАМАНСКОГО И Н. И. КАРЕЕВА ¹

А. В. Малинов

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия

Рассматривается история отношений Н. И. Кареева (1850–1931) и В. И. Ламанского (1833–1914). Отмечается, что переход Кареева из Варшавского университета в Санкт-Петербургский университет был во многом определён Ламанским, который в то время был деканом историко-филологического университета. Несмотря на мировоззренческие различия и философские предпочтения между учёными сложились уважительные отношения. Помимо университета они взаимодействовали в Литературном фонде. Письма Н.И. Кареева, сохранившиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, позволяют восстановить детали работы В. И. Ламанского над статьёй «Славяне» для «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона», редактором которого был Н. И. Кареев, и обстоятельства знакомства В. И. Ламанского с украинским историком М. С. Грушевским. Указывается, что помимо взаимной симпатии, Н. И. Кареева и В. И. Ламанского объединял интерес к философским вопросам исторической науки, несмотря на то, что теоретические основы их философско-исторических построений были различны.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский университет, историография, Н. И. Кареев, В. И. Ламанский, славянофильство, позитивизм, Литературный фонд, философия истории, поколения.

Научная биография крупнейшего русского историка Николая Ивановича Кареева (1850–1931) изучена достаточно полно: опубликовано несколько монографий, диссертаций, переизданы некоторые его работы и опубликованы рукописи. Судьба связала Кареева с тремя университетами. Он учился в Московском университете, где его руководителем был

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (№ 19-09-00109).

В. И. Герье², там же защищал диссертации, магистерскую и докторскую, и непродолжительное время (1878–1879) как сторонний преподаватель читал курс по истории XIX в. В 1879 г. Кареев был приглашён в Варшавский университет на должность экстраординарного профессора, а в 1885 г. был принят на кафедру всеобщей истории Петербургского университета, в котором с перерывами работал практически до конца жизни. Учебные курсы, которые Карееву пришлось читать в университетах, нашли отражение в многочисленных пособиях: «Введение в курс новейшего времени» (1881); «Введение в курс Древнего мира» (1882); «Введение в курс Нового времени» (1884); «Философия культурной и социальной истории Нового времени» (1893); «Главные обобщения всемирной истории» (1903), «Общий ход всемирной истории» (1903). Вершиной исследовательского творчества Кареева стала семитомная «История Западной Европы в Новое время» (1892–1917). Согласно авторитетному мнению В. Бузескула, «по широте масштаба, точности и объективности равного этому труду нет ни в русской, ни в западноевропейской литературе»³.

В то же время исследовательская практика Кареева была связана не только с изучением истории Нового времени, но и с разработкой философских (теоретических, методологических) вопросов историографии. Уже его докторская диссертация «Основные вопросы философии истории» (1883) в значительной своей части (практически весь второй том) была посвящена социологической проблематике. Сорок лет спустя он подготовил к печати, но по ряду причин так и не смог опубликовать «Общую методологию гуманитарных наук», которая может рассматриваться в качестве завершающего труда ученого по этой тематике. К названным трудам примыкают опубликованные в эти годы пособия по социологии («Программы социологии» (1895), «Введение в изучение социологии» (1897), «Общие основы социологии» (1919)) и теории истории и исторического процесса («Из лекций по общей теории истории. Ч. 1. Теория исторического знания (Историка)» (1913), «Из лекций по общей теории истории. Ч. 2. Историология. Теория исторического процесса» (1915)). Объединяет упомянутые исследования позитивистская методология, верность которой Кареев сохранил до конца своей творческой деятельности. Однако лишь последняя из его теоретических работ – «Общая методология гуманитарных наук» – была результатом лекционного курса (в Петроградском университете и на Высших женских курсах), в то время как все остальные исследования отражали лишь его философские предпочтения. После смерти в 1919 г. А. С. Лаппо-

² Цыганков Д. А. Профессор В. И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 110–147.

Tsygankov D.A., *Professor V. I. Ger'e i ego ucheniki*, M., 2010, S. 110–147.

³ Бузескул В. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Часть первая. Л., 1929. С. 164.

Buzeskul V., *Vseobshchaya istoriya i ee predstaviteli v Rossii v XIX i nachale XX veka*, Chast' pervaya, L., 1929, S. 164.

Данилевского Кареев получил предложение продолжить чтение курса «Методологии истории», из которого и выросла его «Общая методология гуманитарных наук». История подготовки издания уже рассматривалась в исследовательской литературе⁴. Можно отметить, что ещё в докторской диссертации Кареев стремился показать, что философия истории обладает собственным содержанием и проблематикой, обосновывающей гносеологический и сциентистский статус историографии, но не сводимой только лишь к философской рефлексии над познавательными методами истории. Успехи конкретно-исторических исследований непосредственно способствовали и развитию философско-исторического знания, опирающегося на достижения историографии⁵. Со второй половины XIX в. философия истории начинает преподаваться в российских университетах в качестве самостоятельной дисциплины. Её необходимой составной частью является теория исторического процесса, которую Кареев фактически отождествлял с социологией. Вне социологической концептуализации история утрачивает право называться наукой, поскольку социология, в отличие от истории, способна раскрыть законы общества. Ещё одна функция социологии – методологическая. На рубеже XIX–XX вв. социология нередко осмыслялась в качестве интегральной дисциплины, синтезирующей достижения других общественных наук. В частности, в её сферу входит формулирование тех методов (общих и частных), использование которых позволяет считать изучение общественных явлений наукой.

Философские наклонности Кареева сыграли положительную роль во время его избрания в Петербургский университет. Дело в том, что выбор Кареева был во многом определён предпочтениями декана историко-

⁴ Долгова Е. А. Концепция «Общей методологии гуманитарных наук»: Теоретические поиски в гуманитарном знании в 1920-е годы // Стены и мосты: Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях. М., 2012. С. 222–234; *Её же*. Из истории издания работы Н. И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук». 1922–1924 гг. // Вестник архивиста. 2012. № 1. С. 239–245; *Её же*. «Общая методология гуманитарных наук» Н. И. Кареева (1850–1931) // Историческая психология и социология истории. 2013. Т. 6. № 2. С. 185–198.

Dolgova E.A., *Kontseptsiya «Obshchei metodologii gumanitarnykh nauk»*: *Teoreticheskie poiski v gumanitarnom znanii v 1920-e gody*, Steny i mosty: Mezhdistsiplinarnye podkhody v istoricheskikh issledovaniyakh, M., 2012, S. 222–234; Dolgova E.A., *Iz istorii izdaniya raboty N.I. Kareeva «Obshchaya metodologiya gumanitarnykh nauk»*. 1922–1924 gg., Vestnik arkhivista, 2012, № 1, S. 239–245; Dolgova E.A., «*Obshchaya metodologiya gumanitarnykh nauk» N. I. Kareeva (1850–1931)*, Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii, 2013, T. 6, № 2, S. 185–198.

⁵ Безлепкин Н. И. Историческая традиция в истории отечественной мысли // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 2. С. 156.

Bezlepkin N. I., *Istoriosofskaya traditsiya v istorii otechestvennoi mysli*, Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya, 2018, T. 34, Vyp. 2, S. 156.

филологического факультета Владимира Ивановича Ламанского. Ученик И. И. Срезневского, занимавший кафедру славянской филологии, Ламанский в большей степени считал себя историком и политическим мыслителем. Он не скрывал своих славянофильских пристрастий и явно тяготел к историософским обобщениям, которые были заметны уже в его магистерской диссертации «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1859), последовавших за ней публикациях, особенно в докторской диссертации «Об изучении греко-славянского мира в Европе» (1871). Полнее всего философско-исторические взгляды Ламанского выражены в трактате «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892)⁶, основные положения которого, по свидетельству его ученика Г. М. Князева, были «почти дословно» сформулированы уже в лекциях 1876–1877 гг.⁷

Ламанский недолго занимал должность декана историко-филологического факультета. Избранный в марте 1883 г., он в ноябре 1885 г. подал в отставку, не желая быть проводником министерской политики, значительно ограничивавшей университетскую автономию. История личных и профессиональных связей Кареева и Ламанского мало известна. Тем не менее архивные документы позволяют раскрыть некоторые особенности их взаимоотношений. Наверное, трудно было найти человека менее мировоззренчески близкого Ламанскому, чем Кареев: убеждённый и деятельный славянофил, с одной стороны, и последовательный западник с другой. Однако это не мешало Ламанскому и Карееву сохранять взаимное уважение на протяжении трёх десятилетий. Более того, Ламанский никогда не позволял себе столь резких высказываний в адрес Кареева, которые допускали его коллеги-историки, поскольку Кареев так и не смог стать «своим» в «петербургской школе историков»⁸. Впрочем, основанием если и не

⁶ Робинсон М. А. В. И. Ламанский и его трактат «Три мира Азийско-Европейского материка» // Славянский альманах. 1996. М., 1997. С. 90–106.

Robinson M.A., V.I. Lamanskii i ego traktat «Tri mira Aziisko-Evropeiskogo materika», Slavjanskii al'manakh, 1996, M., 1997, S. 90–106.

⁷ Князев Г. Предисловие // Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. Пг., 1916. С. XIV.

Knyazev G., *Predislovie, Lamanskii V.I., Tri mira Aziisko-Evropeiskogo materika*, Pg., 1916, S. XIV.

⁸ См. подробнее: Ростовцев Е. А. Н.И. Кареев в среде историков петербургской школы // Николай Иванович Кареев: человек, учёный, общественный деятель. Сыктывкар, 2002. С. 183–186; Дворниченко А. Ю., Ростовцев Е. А., Баринов Д. А. Опыт коллективного портрета историков столичного университета Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 46.

Rostovtsev E.A., N.I. Kareev v srede istorikov peterburgskoi shkoly, Nikolai Ivanovich Kareev: chelovek, uchenyi, obshchestvennyi deyatel', Syktyvkar, 2002, S. 183–186; Dvornichenko A.Yu., Rostovtsev E.A., Barinov D.A., *Opyt kollektivnogo portreta istorikov stolichnogo universiteta Rossiiskoi imperii*, Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, Istoriya. 2019, T. 64, Vyp, 1. S. 46.

сближения, то уважения служили общие либеральные взгляды. Ламанский в полной мере разделял либеральную программу славянофилов (свобода слова и вероисповедания, отмена крепостного права, бессловное государство и т. п.), но столь же по-славянофильски отказывался видеть в Европе образец социально-исторического развития и даже доводил до крайнего противопоставления цивилизационные начала германо-романского и греко-славянского миров⁹.

В фонде Ламанского в Санкт-Петербургском филиале архива РАН отложились письма Кареева, начиная с «прошения о зачислении в кандидаты на вакантную кафедру»¹⁰. Выбор Кареева Ламанский объяснял как надеждой на то (впрочем, не оправдавшейся), что из него ещё может «выработаться» национальный мыслитель, так и более «порядочной наружность» молодого историка. В последнем варианте заметна личная симпатия, которую Ламанский испытывал к Карееву, несмотря на его западничество. В письме одному из своих наиболее идейно близких учеников А. С. Будиловичу, в то время декану историко-филологического факультета Варшавского университета, в котором работал Кареев, Ламанский признавался: «О Карееве я лично не высокого мнения, но знаете ли Вы, какие у нас кандидаты? Трачевский, он и Лучицкий. Можно ещё прибавить еврея Гуревича. Вот Вам и выбор. Молодой будущий магистр Форстен – ученик Бауэра, лютеранин и швед, хороший очень парень, но ещё совсем не опытен. Да, многие у нас боятся, что его точка зрения и мирозерцание уже слишком односторонни и узки. Первые три – одинаково легки и западники. И всё же из них Кареев ещё лучше тем, что он молод и может ещё выработаться. При том же по наружности он порядочнее других и след[овательно] обещает больше. Наконец у нас ещё ничего не решено. Да и мы не знаем, теперь по новому уставу возьмут да и назначат»¹¹. Будилович отвечал своему учителю в том смысле, что русская партия в Варшавском университете не будет сожалеть об уходе Кареева. «Наш Университет, – писал он, – бесспорно, только выиграл бы, избавившись от такого ярого западника, которого даже “Новости” признали крайним в своих взглядах»¹².

⁹ Курприянов В. А. Россия и Европа в раннем и позднем славянофильстве (А. С. Хомяков и В. И. Ламанский) // Соловьёвские исследования. 2018. № 2 (58). С. 21–33.

Kurpriyanov V.A., *Rossiya i Evropa v rannem i pozdnem slavyanofil'stve* (A.S. Khomyakov i V.I. Lamanskii), Solov'evskie issledovaniya, 2018, № 2 (58), S. 21–33.

¹⁰ Санкт-Петербургский филиал архива РАН (далее – СПбФ АРАН). Ф. 35. Оп. 3. Д. 48. Л. 130.

St. Petersburg Branch of the RAS Archive (SPbF ARAN), F. 35, Op. 3, D. 48, L. 130.

¹¹ Там же. Д. 51. Л. 21.

Ibid, D. 51, L. 21.

¹² Там же. Д. 267. Л. 112.

Ibid, D. 267, L. 112.

Кареев почувствовал определённую предвзятость со стороны Ламанского. В мемуарах он отмечал, что Ламанский «в самом начале моей профессуры в Петербурге относился ко мне не очень благосклонно и вследствие моего “западничества”, и по тем сведениям обо мне, которые ему сообщил Будилович»¹³. Кареев, впрочем, напрасно грешил на Будиловича. В письмах своему учителю Будилович объяснял общее положение дел в Варшавском университете, которое не могло удовлетворить славянофилов. «Здесь университет, – писал он Ламанскому из Варшавы 12 октября 1884 г., – уже 12 лет считается русским по языку и правам, но он и теперь польский по духу преподавания большинства профессоров. Хотя поляков считается 20, а русских 25 или 26, однако в действительности отношение другое, ибо между этими 25 русскими есть по крайней мере 15 космополитов, т. е. западников, т. е. полу-поляков»¹⁴. К последним он явно относил и Кареева. Однако приведенное выше упоминание Кареева – единственное в сохранившихся письмах Будиловича Ламанскому. Конечно, Будилович мог дать более подробную и содержательную характеристику Карееву в личной беседе, но о факте такой беседы сведений не сохранилось.

Месяц спустя после письма Будиловича Кареев направил Ламанскому письмо, дополняющее его официальное обращение в историко-филологический факультет. «Извините, что, не имея чести знать Вас лично, – писал он 12 ноября 1884 г., – я обращаюсь к Вам с этим письмом. Дело в том, что в Вашем университете освободилась кафедра всеобщей истории, и я желал бы выставить свою кандидатуру на вакантное место. Не будучи знаком почти ни с кем из профессоров Петербургского Университета, я, конечно, не имею никаких оснований быть уверенным, что эта кандидатура будет принята, но у меня нет другого средства заявить Вашему факультету о своем желании, как обратившись к Вам и некоторым другим профессорам с указанием на себя, как на человека, который с величайшей охотой занял бы место, освободившееся вследствие кончины В. В. Бауера. Вот мой краткий curriculum vitae. Я кончил курс в Московском Университете в 1873 году и пробыл четыре года учителем истории в одной из московских гимназий, будучи в то же время оставлен при Университете. Выдержав магистерский экзамен, я был послан с ученою целью за границу, откуда вернулся с готовой диссертацией “Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века”; тогда же я был назначен сторонним преподавателем в Московском Университете, а по защите диссертации принял в 1879 г. предложение в Варшавский Университет, где и состою экстра-ординарным профессором по сие время. Отсюда я имел также ученую командировку за границу для работы над докторской диссертацией

¹³ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 203.

Kareev N. I., *Prozhitoe i perezhitoe*, L., 1990, S. 203.

¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 267. Л. 97 об.

SPbF ARAN, F. 35, Op. 1, D. 267, L. 97 ob.

“Основные вопросы философии истории”, изданной потом в Москве в двух томах и доставившей мне степень доктора Московского Университета (в марте этого года). Кроме того, я издал “Очерки истории французского крестьянства с древнейших времен до 1789 г.”, четыре общие введения в свои курсы и печатал статьи в “Филологических Записках”, в “Юридическом Вестнике” и др. журналах. Недавно, наконец, я напечатал брошюру “Моим критикам” по поводу разных статей, написанных о моих “Основных вопросах”. Я выслал бы Вам теперь же все эти книги, если бы имел сам и мог достать здесь хоть один экземпляр одного из этих изданий. Что касается до моих преподавательских способностей, то позволю себе приложить вырезку из “Варшавского дневника” о публичной лекции, которую я читал в здешнем Русском Собрании (заглавие лекции – “О духе русской науки”, и я собираюсь ее напечатать). Извините, что так много распространяюсь о себе: причина лежит не в нескромности, а в том, что, не зная, насколько известна моя деятельность провинциального профессора в столичном университете, я вынужден сам себя рекомендовать.

Прошу Вас принять уверение в совершенном моем к Вам уважении. Быть может, в скором времени я буду иметь удовольствие лично засвидетельствовать Вам мое почтение, с каковым имею честь быть готовым к услужению»¹⁵.

Тогда же, вероятно, для того чтобы закрепить новое знакомство, Ламанский обратился к Карееву с просьбой отыскать в университетской библиотеке книги польского политического мыслителя XVI в. Яна Фрич-Моджевского. Умышленность этой просьбы становится очевидной, если вспомнить, что в это время в Варшавском университете преподавали ученики Ламанского слависты А. С. Будилович, К. Я. Грот, Ф. Ф. Зигель, ранее всегда откликавшиеся на его обращения. Вместе с отчетом об изданиях XVI в. Кареев отправил в Петербург и оттиск своей статьи «Борьба шляхты с духовенством на польских сеймах середины XVI в.»¹⁶.

Вопрос об избрании Кареева решился положительно и, желая помочь новому сотруднику, Ламанский хлопотал о выдаче Карееву для продолжения занятий книг из университетской библиотеки. 15 февраля 1885 г. Кареев извещал Ламанского: «Пользуясь Вашим любезным предложением, посылаю Вам записку в факультет о разрешении мне пользоваться книгами Университетской библиотеки. Я занес бы эту записку сам завтра вечером, но быть может, завтра же будет у Вас заседание, а я хотел бы поскорее получить разрешение, в котором нуждаюсь. Будьте так добры, если факультет, действительно, соберется завтра, доложить ему мою просьбу, изложение которой найдете на отдельном листке.

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 684. Л. 1–1 об., 2–2 об.
SPbF ARAN, F. 35, Op. 1, D. 684, L. 1–1 ob., 2–2 ob.

¹⁶ Там же. Л. 20.

Ibid, L. 20.

Пользуюсь этим случаем, чтобы сделать Вам маленькое заявление, чего я не успел сделать, когда был у Вас в последний раз: не могу ли я получить доступ к печатанию мелких заметок библиографического и иного свойства на столбцах “Известий Слав[янского] Благ[отворительного] Общ[ества]”?»¹⁷. Зная о славянофильских убеждениях Ламанского, Кареев высказал желание принять участие в издании «Известий Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества». Ламанский стоял у истоков этого общества. Он составил «Заметку» о преобразовании Петербургского комитета по приему славянских гостей в постоянный славянский комитет (с 7 мая 1868 г.), преобразованный 12 апреля 1877 г. в Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество¹⁸, был председателем общества (1879–1880) и редактором его «Известий» (1887–1888). Кареев, безусловно, был интересен Ламанскому как специалист по истории Польши, и можно предположить, что одним из мотивов для продолжения Кареевым полоноведческих исследований было влияние Ламанского.

С сентября 1885 г. Кареев начал вести в Петербургском университете занятия по истории Европы в Новое время, о чём сообщал Ламанскому в письме 2 сентября: «Честь имею известить Вас, как декана, что приступить к чтению лекций по новой истории я намерен в понедельник 9-го сентября в назначенный мне час, т. е. это 11 ч. утра»¹⁹. Постепенно между Ламанским и Кареевым установились ровные уважительные отношения. В мемуарах Кареев отмечал: «Потом как-то его отношение ко мне улучшилось... но теперь я увидел, что Ламанский и по-человечески ко мне расположен»²⁰. Последнее замечание касается посещения Ламанским Кареева в больнице в конце 1898 г.

Сохранившиеся в архиве письма Кареева Ламанскому не многочисленны. Кареев так и не вошёл в круг близких Ламанскому людей и единомышленников. Не упоминается он и среди посетителей известного учёно-музыкального салона, собиравшегося по субботам на квартире Ламанского (особенно на последней его квартире на ул. Звенигородской 32, кв. 1). Вероятно, их общение ограничивалось встречами в университете. Отчасти на это указывает редкость и деловой характер дошедших до нас писем Кареева. «Вас, многоуважаемый Владимир Иванович, – писал он 3 мая 1890 г.,

¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 684. Л. 3.

SPbF ARAN, F. 35, Op. 1, D. 684, L. 3.

¹⁸ Ламанский В. И. Заметка. 1867. Петербург // Документы к истории славяноведения в России (1850–1912). М.; Л., 1948. С. 59–60.

Lamanskii V.I., *Zametka. 1867. Peterburg*, Dokumenty k istorii slavyanovedeniya v Rossii (1850–1912), M., L., 1948, S. 59–60.

¹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 684. Л. 4.

SPbF ARAN, F. 35, Op. 1, D. 684, L. 4.

²⁰ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 203.

Kareev N.I., *Prozhitoe i perezhitoe*, S. 203.

– как человека, с сочувствием ко мне относящегося и мною уважаемого, как декана нашего факультета, считаю долгом своим поставить в известность, что сегодня я был у министра народного просвещения и предъявил ему свои права на занятие ординатуры, так как, обсудив общее положение дел в Университете и посоветовавшись с несколькими уважаемыми мною лицами, я не нашел иного способа оградить свои права от грозящего им нарушения. Права мои, – 17-ый год службы, 12-ый чтения лекций в Университете, 11-ый пребывания в звании э[кстра-] о[rдинарного] профессора, 7-ой докторства, шесть больших исторических работ, напечатанных после выхода в свет докторской диссертации, наконец, то, что меня уже два раза обходили представлением в ордин[арные] проф[ессора] в Варшаве. Действуя прямо и открыто, я сообщаю Вам, уважаемый Владимир Иванович, и о том значении, какое я придал своему посещению, заявив министру, что моему терпению пришёл конец и что я, по крайней мере, желал воспользоваться своим правом не молчать о делаемой мне несправедливости, ибо я и теперь ничем не гарантирован от новых повторений того, что я уже испытал два раза в Варшаве. Моя точка зрения на все это дело Вам, Владимир Иванович, известна, и я продолжаю думать, что человек, пассивно покоряющийся делаемой ему лично несправедливости, едва ли бывает способен отстаивать вверенные ему законом общие интересы науки и права»²¹. В воспоминаниях Кареев давал краткую характеристику министру И. Д. Делянову: «Человек очень лукавый, но прикидывающийся добродушным простаком, по природе не злой и по личному почину, пожалуй, не делавший пакостей, но угодливый по отношению к влиятельным лицам»²². В 1890 г. Ламанский вышел в разряд заслуженных профессоров и, хотя и оставался членом совета факультета, едва ли мог повлиять на решение совета, а тем более министра. Впрочем, Карееву было известно о принципиальности и обострённом чувстве справедливости Ламанского, который в случае обсуждения его кандидатуры мог выступить на его стороне. Следует заметить, что в соперничестве группировок, сложившихся на историко-филологическом факультете, Ламанский и Кареев поддерживали не только друг друга, но и учеников. Так, например, перед голосованием по кандидатуре Н. В. Ястребова (ученик Ламанского) на новую вакансию по истории славян (открытую во многом благодаря усилиям Ламанского), Н. В. Ястребов в письме своему учителю 13 октября 1909 г. выражал уверенность, что Кареев прислушается к мнению Ламанского. Несколькими днями ранее (7 октября) П. А. Лавров, занимавший в университете кафедру славянской филологии, через Ламанского передал Карееву для подписи бумагу о трудах Н. В. Ястребова.

²¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 684. Л. 5.
SPbF ARAN, F. 35, Op. 1, D. 684, L. 5.

²² Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 182.
Kareev N.I., *Prozhitoe i perezhitoe*, S. 182.

Выступлением на стороне Ламанского в конфликте с ректором В. И. Сергиевичем Кареев объяснял и своё увольнение из университета в 1899 г. События развивались следующим образом. В 1899 г. университет охватили студенческие волнения, жестоко подавленные полицией. Бестактное поведение ректора В. И. Сергиевича и его призыв к студентам воздержаться от нарушения общественного порядка только усилили протесты. Либеральная в своей массе профессура требовала расследования действий полиции. «Начались частные совещания профессоров и других лиц (помню одно в квартире П. И. Вейнберга), – писал Кареев. – Сергиевич вел себя невозможно, прямо издеваясь над членами Совета, предлагавшими то, что было ему неудобно... как вдруг на середину зала выступил старик Ламанский с такими приблизительно словами: “Василий Иванович! Мы обращаемся к вам с товарищескою просьбою. Уйдите в отставку из ректоров, студенты вас не любят, не губите университета. Мы так будем вам благодарны”. Затем он обернулся, как бы ища поддержки со стороны товарищей, но никто не шелохнулся. Мне стало стыдно, и я громко, встав со своего места, заявил: “Владимир Иванович, я к вам присоединяюсь”. Думаю, что этот поступок и был одной из причин моего увольнения из университета. Сергиевич ответил, что он на своем месте “по воле государя императора” и что потому не нам его смещать»²³. Из университета были уволены не только Н. И. Кареев, но и приват-доценты М. И. Свешников, С. А. Венгеров, И. М. Гревс, Н. М. Книпович, А. А. Исаев. Протестуя против решения министерства, подал в отставку профессор С. Ф. Ольденбург и приват-доцент Я. И. Смирнов. В этой ситуации решение покинуть университет принял и Ламанский. 30 декабря 1899 г. он писал: «В нынешнем авг[усте] отказался от Унив[ерситетского] вознаграждения и от лекций. Студентов-слушателей очень мало, охотников заниматься не видать было, а тут еще прошлогодние университетские истории, – Сергиевич в совете, Соболевский в Факультете, далее погром в Житом[ире] и затем в Киеве, получение известия об увольнении Кареева и Гревса из Унив[ерситета] побудили меня окончательно выйти из Унив[ерситета] и отказаться от получения от него 1200 р. с лишним (р. 100 гонор[ар] и 200 экз.). Отказавшись, я почувствовал себя хорошо»²⁴. Видя в решении Ламанского покинуть университет жест поддержки, Кареев пригласил его к себе на встречу с университетскими товарищами, также ему сочувствующими. «Мне очень было бы приятно видеть Вас у себя вечером 5 дек[абря], накануне Николина дня (в самый день у меня много конкурентов) бывших товарищей по университету, которые были у

²³ Кареев Н. И. Указ. соч. С. 205–206.

Kareev N.I., *Op. cit.*, S. 205–206.

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Д. 3. Л. 20об.

SPbF ARAN, F. 35, Op. 3, D. 3, L. 20ob.

меня после моего изгнания и тем показали, что остаются товарищами. Буду очень признателен, если не откажитесь приехать», – писал Кареев²⁵.

Надо заметить, что это был не единственный случай, когда Кареев приглашал Ламанского, хотя, судя по всему, домашние визиты не были частыми. В фонде Ламанского отложилось письмо, в котором Кареев зазывал своего адресата на, вероятно, важную для него встречу. «Будьте так добры ответить поскорее (на сей конец посылаю готовый бланк), – писал он, – могу ли я рассчитывать на то, что Вы будете располагать вечером в пятницу 9 декабря, чтобы посетить меня. Я думаю собрать маленькое общество, как Вам говорил, но предварительно хотел бы узнать, удастся ли мне собрать в один день всех, кого бы я желал. Если в пятницу Вам нельзя, то укажите на другой день (напр[имер], четверг)»²⁶. Вероятно, речь шла о встрече Ламанского, А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича у Кареева с редактором, издававшейся в Петербурге польской газеты «Край» Э. И. Пильцем для обсуждения русско-польских отношений²⁷.

В Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе Кареев, как и следовало ожидать, не прижился. С конца 1880-х гг. и Ламанский снизил активность в славянском обществе, а после скандалов, вызванных его редакторскими статьями в «Известиях» общества, принял решение сосредоточить свою деятельность в руководимом им Этнографическом отделе Русского географического общества и вместо политический публицистики славянских «Известий» издавать чисто научный этнографический журнал – «Живую старину», который начал выходить под его редакцией с 1890 г. Помимо университета ещё одним «местом» совместной работы двух учёных стало «Общество для пособия нуждающимся литераторам и учёным» (Литературный фонд), одним из учредителей которого в 1859 г. был Ламанский. Кареев в разные годы был секретарём, товарищем председателя, а в 1909 г. – председателем Комитета Литературного фонда.

Отвечая на записку Ламанского, не заставшего его дома, Кареев отвечал кратким письмом 1 мая 1896 г.: «Просьбу Вашу я доложил бы лично Комитету Лит[ературного] Фонда, если бы заседание было до моего отъезда в деревню. По новым правилам Комитета, впрочем, Кораблёв, как лицо, не имеющее печатных трудов, пособия или ссуды получить бы не мог, и те же правила запрещают выдавать ссуды за поручительством членов Комитета. Поэтому я позволил бы себе предложить Вам такую комбинацию: я Кораблёву дам 35 р. из своих денег, а обратно получу их осенью или от него самого или от Вас. Если бы не страшная нужда в деньгах, на помощь

²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Д. 3. Л. 10.
SPbF ARAN, F. 35, Op. 3, D. 3, L. 10.

²⁶ Там же. Д. 684. Л. 21.

Ibid, L. 21.

²⁷ Кареев Н.И. Указ. соч. С. 203.

Kareev N.I., *Op. cit.*, S. 203.

Кораблёву могло бы прийти Общ[ество] пособия студентам, но оно – в том-то и дело – само бедствует»²⁸. Из письма видно, что Ламанский ходатайствовал перед Литературным фондом о пособии своему ученику В. Н. Кораблёву (1873–1936), известному впоследствии историку и филологу-слависту, специалисту по сербохорватской литературе. Для Ламанского это был обычная практика. Его переписка лишь отчасти приоткрывает масштабы той помощи, которую он оказывал ученикам, их братьям, сёстрам и даже практически не знакомым людям, например, подруге сестры своего ученика, или вышедшему в отставку с военной службы брату П. П. Пекарского, или столяру в Академии наук и т. п. Хлопоча по их делам, Ламанский доходил до ректора, министра и даже премьер-министра (П. А. Столыпина); искал ученикам стипендии и пособия, помогал материально из своих скромных средств, хотя нередко сам вынужден был закладывать в ломбард собственные ордена и часы до зарплаты.

В письмах января–февраля 1897 г. Кареев просил Ламанского согласиться на выдвижение его кандидатуры в «суд чести» Литературного фонда. Так, он писал 31 января 1897 г.: «Обсуждая вопрос о том, кого выбирать в судьи чести нового Союза, многие его члены очень желали бы, чтобы в числе этих судей были Вы (вместе с К. К. Арсеньевым, А. Н. Бекетовым, В. Т. Короленко, Г. Н. Потаниным и В. И. Покровским, а также В. А. Манассеиным). Конечно, трудно решить вопрос, кто пройдёт, но я думаю, что Вы – человек, у которого наиболее шансов пройти. Напр[имер], очень может быть, что Потанин и Покровский не соберут достаточно голосов. Я знаю, что многие будут подавать голоса и за других лиц (В. Д. Спасовича, Вс. С. Соловьёва и т. п.). Лично я очень просил бы Вас не отказываться от участия в суде чести, где желательно было бы сосредоточить весь авторитет (нравственный) Союза. Помните, что заседание будет 7-го февр[аля] и что выборы будут происходить сначала записками (предложение кандидатов), потом шарами»²⁹. Ламанский, по-видимому, не принимал участие в самой процедуре выдвижения кандидатов, поэтому уже 6 февраля 1897 г. Кареев извещал его: «Пишу Вам тотчас после заседания Комитета Союза писателей. Все присутствовавшие члены очень сочувственно отнеслись к Вашей кандидатуре в члены Суда чести, и каждый пропагандирует ее между своими знакомыми. Было бы очень важно, чтобы Вы не отказались. Если позволит время, я зайду к Вам перед заседанием»³⁰.

В 1909 г. отмечалось пятидесятилетие Литературного фонда. Ламанский был одним из немногих остававшихся в живых его основателей, по-

²⁸ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 684. Л. 6.

SPbF ARAN, F. 35, Op. 1, D. 684, L. 6.

²⁹ Там же. Л. 7–7об.

Ibid, L. 7–7ob.

³⁰ Там же. Л. 8.

Ibid, L. 8.

этому Кареев, в это время председатель Литературного фонда, обратился к нему с приглашением принять участие в обеде, на котором предполагалось обсудить планируемые осенью юбилейные мероприятия. Однако старческие недуги не позволили Ламанскому присутствовать на обеде, поэтому на следующий день Кареев отправил ему на бланке Общества письмо, в котором отмечал: «Общее собрание Литературного Фонда 2 февраля постановило единогласно приветствовать Вас, как одного из членов-учредителей этого Общества, и выразить Вам чувство глубокого уважения. Исполнив это местное поручение общего собрания, присоединяю к этому, что участники товарищеского обеда 2 февраля были искренне огорчены, что нездоровье помешало Вам быть в нашей среде»³¹. Письмо сопровождалось рукописным приветствием на программе-приглашении празднования 50-летия Литературного фонда, подписанном девятью членами комитета Литературного фонда³². Хронологически это последнее письмо Кареева Ламанскому, сохранившееся в архиве. В последние годы жизни Ламанский окончательно отошёл от дел не только в университете и Литературном фонде, но и в Академии наук, действительным членом которой он был избран в начале 1900 г.

Свою научную деятельность во второй половине 1850-х гг. Ламанский начал с исследований по истории Академии наук в XVIII в., опубликовав большой объём архивных документов об этой эпохе. После избрания академиком он вновь вернулся к занятиям по истории Академии наук, но не прекращал и работы в области славяноведения. Так, по его инициативе Академия наук приступила к изданию «Сборника статей по славяноведению» (Вып. I–III. СПб., 1904, 1906, 1910). Кареев же привлёк Ламанского к написанию общей статьи о славянах для «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона», о чём свидетельствует несколько кратких деловых писем. В одном из них (23 января 1900 г.) он просил ранее самой статьи выслать в редакцию карты³³. Перед отъездом за границу письмом от 5 апреля Кареев вновь напоминал о статье, которую следовало доставить в редакцию, а в послании на почтовой карточке из Лозанны 4 июля 1900 г. сообщал: «Вчера я прочитал (в корректуре) начало статьи о славянах (до середины изложения древнейшей истории ю[жных] славян). Я предложил выделить столбцы о словаках и переселении народов в особую статью, а то, что говорится о болг[арской] и сербской истории в XIX в., является повторением того, что уже было в словаре. Желательно, чтобы Вы продержали корректуру и приложили библиографию. Окончена ли статья? На все жду отве-

³¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 684. Л. 17.
SPbF ARAN, F. 35, Op. 1, D. 684, L. 17.

³² Там же. Л. 18.

Ibid, L. 18.

³³ Там же. Л. 11.

Ibid, L. 11.

та»³⁴. Статья Ламанского «Славяне» была опубликована в 1900 г. в тридцатом томе «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» (с. 287–293).

Ещё один сюжет, детали которого приоткрывают письма Кареева, касается знакомства Ламанского с украинским историком М. С. Грушевским. 8 марта 1902 г. Кареев отправил Ламанскому почтовую карточку, в которой извещал, то «в П[етер]бург на самое короткое время приехал из Львова проф[ессор] Грушевский, который в 8 ч. в[ечера] в пятницу обедает у меня. Он был бы рад, если бы [Вы] приехали ко мне. Независимо от этого Грушевский хотел бы побывать и у Вас»³⁵. Немногочисленные письма Грушевского Ламанскому опубликованы³⁶. Первое из них датировано еще 1898 г., но оно адресовано не Ламанскому, а «Високоповажному Добродію» в связи с передачей в Петербургский университет «Записок» и «Этнографического сборника». Личная переписка начинается только с 1903 г., т. е. после знакомства у Кареева. Ламанский привлек Грушевского и украинских историков к участию в «Сборнике статей по славяноведению» и планировавшемуся в Петербурге в 1904 г. конгрессу славистов. Об этом в основном и идет речь в письмах. Из черновика письма Ламанского И. В. Ягичу также видно, что Грушевский посещал Ламанского в 1911 г. «На днях у меня был и просидел довольно долго проф[ессор] Львовского университета хохол Грушевский, – писал Ламанский, – незадолго перед тем прислал мне свою Историю Киевской Руси (по-русски, а не по-украински). В этой истории нет ни слова о сношениях с Новгородом, Владимирским Суздалем. Губернатор Бобринский (историк) покровительствует украинцам и преследует учителей и учеников, читающих московских писателей (Пушкина и друг.).

Всё это уже поздно. Наша художественная и научная литература растёт и развивается, приобретает себе уважение всё более и более в западной Европе, романской и германской»³⁷. Ламанский пояснял, что на его вопрос о том, почему «Историю Украины-Руси» Грушевский печатает теперь по-русски, её автор ответил, что на украинском языке она оказалась не востребованной и совершенно неизвестной. Вероятно, это была последняя встреча Ламанского с Грушевским.

³⁴ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 684. Л. 13.

SPbF ARAN, F. 35, Op. 1, D. 684, L. 13.

³⁵ Там же. Л. 14.

Ibid, L. 14.

³⁶ Копылов С. А. Письма Михаила Грушевского Владимиру Ламанскому // Гуманитарный вектор. 2010. № 4 (24). С. 10–13.

Kopylov S. A., *Pis'ma Mikhaïla Grushevskogo Vladimiru Lamanskomu*, Gumanitarnyi vector, 2010, № 4 (24), S. 10–13.

³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 78. Л. 8, 8об.

SPbF ARAN, F. 35, Op. 1, D. 78, L. 8, 8ob.

Ламанский и Кареев принадлежали к разным поколениям учёных. Ещё больше различались их философские взгляды. Мировоззрение Ламанского сформировалось в 1850-е гг. под сильным влиянием немецкой науки, прежде всего В. фон Гумбольдта, и романтического увлечения народностью³⁸. До конца жизни он оставался убеждённым славянофилом и одним из самых влиятельных славистов не только в России, но и в Европе. Благодаря многолетнему преподаванию Ламанского в Петербургском университете и деятельности его учеников славянская история отделилась от славянской филологии в самостоятельную научную дисциплину. В университете была открыта кафедра славянской истории, которую занял ученик Ламанского Н. В. Ястребов. Кареев, как известно, первоначально выбрал в университете специализацию по славяно-русской филологии у Ф. И. Булаева, лишь позже перейдя к В. И. Герье. Помимо всеобщей истории, Кареев внёс значительный вклад и в историю славян³⁹, в частности полонистику⁴⁰, кроме чисто исторических исследований, издав свои статьи по польскому вопросу отдельным сборником⁴¹. В философско-исторических построениях Кареев не чуждался эклектизма⁴². Стремление интегрировать в славистику идеи славянофилов, привели Ламанского к формулированию оригинального учения о трёх цивилизационных мирах, которое он сам относил к области политической географии. Не сторонился философско-исторических обобщений и Кареев. Его двухтомная монография «Основные вопросы философии истории» (1883) стала первой в России диссертацией, защищённой по философии истории. Интерес к философии истории, несомненно, способствовал сближению Ламанского и Кареева, по крайней

³⁸ Куприянов В. А. Структура Европы в философско-историческом учении В. И. Ламанского // Вече. 2016. Вып. 28. С. 213–220.

Kupriyanov V. A., *Struktura Evropy v filosofsko-istoricheskom uchenii V.I. Lamanskogo*, Vechе. Zhurnal russkoi filosofii i kul'tury, 2016, Vyp. 28, S. 213–220.

³⁹ Лантева Л. П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 467–494.

Lapteva L. P., *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX veke*, M., 2005, S. 467–494.

⁴⁰ Кручковский Т. Т., Нечухрин А. Н. Польская проблематика в творчестве Н. И. Кареева // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь. Мінск, 1995. Ч. 2. Сусветная гісторыя. С. 116–123.

Kruchkovskii T. T., Nechukhrin A. N., *Pol'skaya problematika v tvorchestve N.I. Kareeva*, Gistarychnaya navuka i gistarychnaya adukatsyya ў Respublitsy Belarus', Minsk, 1995, Ch. 2, Susvetnaya gistoryya, S. 116–123.

⁴¹ Кареев Н. И. *Polonica: Сборник статей по польским делам. (1881–1905)*. СПб., 1905.

Kareev N. I., *Polonica: Sbornik statei po pol'skim delam. (1881–1905)*, SPb., 1905.

⁴² Васильев Ю. А. Теория и методы в русской исторической школе: Теория исторического знания, теория исторического процесса, психологическое направление. М., 2012. С. 33.

Vasil'ev Yu. A., *Teoriya i metody v russkoi istoricheskoi shkole: Teoriya istoricheskogo znaniya, teoriya istoricheskogo protsessa, psikhologicheskoe napravlenie*, M., 2012.

мере, служил основанием для взаимного уважения. Между двумя учеными, вероятно, существовала и личная взаимная симпатия, сглаживавшая мировоззренческие противоречия.

Список литературы:

1. *Безлепкин Н. И.* Историсофская традиция в истории отечественной мысли // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 2. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.202>
2. *Бузескул В.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Часть первая. Л.: Издательство академии наук СССР, 1929. *Васильев Ю. А.* Теория и методы в русской исторической школе: Теория исторического знания, теория исторического процесса, психологическое направление. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.
3. *Дворниченко А. Ю., Ростовцев Е. А., Баринов Д. А.* Опыт коллективного портрета историков столичного университета Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 1. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.102>
4. *Долгова Е. А.* Из истории издания работы Н. И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук». 1922–1924 гг. // Вестник архивиста. 2012. № 1.
5. *Долгова Е. А.* Концепция «Общей методологии гуманитарных наук»: Теоретические поиски в гуманитарном знании в 1920-е годы // Стены и мосты: Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях. М.: РГГУ, 2012.
6. *Долгова Е. А.* «Общая методология гуманитарных наук» Н. И. Кареева (1850–1931) // Историческая психология и социология истории. 2013. Т. 6. № 2.
7. *Копылов С. А.* Письма Михаила Грушевского Владимиру Ламанскому // Гуманитарный вектор. 2010. № 4 (24).
8. *Кручковский Т. Т., Нечухрин А. Н.* Польская проблематика в творчестве Н. И. Кареева // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь. Мінск: Універсітэцкае, 1995. Ч. 2. Сусветная гісторыя.
9. *Куприянов В. А.* Россия и Европа в раннем и позднем славянофильстве (А. С. Хомяков и В. И. Ламанский) // Соловьевские исследования. 2018. № 2 (58).
10. *Куприянов В. А.* Структура Европы в философско-историческом учении В. И. Ламанского // Вече. Журнал русской философии и культуры. 2016. Вып. 28.
11. *Лаптева Л. П.* История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индрик, 2005.
12. *Робинсон М. А.* В. И. Ламанский и его трактат «Три мира Азийско-Европейского материка» // Славянский альманах. 1996. М.: Индрик, 1997.
13. *Ростовцев Е. А.* Н. И. Кареев в среде историков петербургской школы // Николай Иванович Кареев: человек, учёный, общественный деятель. Сыктывкар: Издательство Сыктывкарского университета, 2002.

14. Цыганков Д. А. Профессор В. И. Герье и его ученики. М.: РОССПЭН, 2010.

SLAVOPHILISM AND WESTERNISM IN THE FATE OF RUSSIAN HISTORIANS: TO THE HISTORY OF PERSONAL AND PROFESSIONAL RELATIONS BETWEEN V.I. LAMANSKY AND N.I. KAREEV

A.V. Malinov

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

The article considers the relations between Nikolay Ivanovich Kareev (1850–1931) and Vladimir Ivanovich Lamansky (1833–1914). The author notes that the fact that N. I. Kareev moved from Warsaw University to St. Petersburg University was considerably determined by V. I. Lamansky who at that time served as a dean of historical-philological faculty of the University. In spite of the inconformity in their worldviews and philosophical inclinations (V. I. Lamansky was a convinced Slavophile, while N. I. Kareev was a Westernizer), there was respect between two scholars. Apart from the University, N.I. Kareev and V.I. Lamansky had relations in the Literary Foundation. N.I. Kareev's letters found in the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences allows us to reconstruct the historical details of V.I. Lamansky's work on the entry «Slavs» for the «Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary» which was edited N.I. Kareev; the circumstances how V. I. Lamansky became acquainted with Ukrainian historian M.S. Grushevsky are also examined. The author points out that besides mutual sympathy, N. I. Kareev and V. I. Lamansky had common interest to the philosophical questions of historiography, in spite of the fact that theoretical foundations of their conceptions were different. N. I. Kareev was oriented to the positivistic philosophical and sociological doctrine, and V.I. Lamansky based on the Slavophile historiography and W. von Humboldt's conception of language.

Key words: *Saint-Petersburg University, historiography, N. I. Kareev, V. I. Lamansky, Slavophilism, positivism, Literary Foundation.*

Об авторе:

МАЛИНОВ Алексей Валерьевич – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9), e-mail: a.v.malinov@mail.com

About the author:

MALINOV Aleksey Valerievich – Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University (199034, St. Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7–9), e-mail: a.v.malinov@mail.com

References

- Bezlepkin N.I., *Istoriiosofskaya traditsiya v istorii otechestvennoi mysli*, Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya, 2018, T. 34, Vyp. 2. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.202>
- Buzeskul V., *Vseobshchaya istoriya i ee predstaviteli v Rossii v XIX i nachale XX veka. Chast' pervaya*, L., Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 1929.
- Vasil'ev Yu.A., *Teoriya i metody v russkoi istoricheskoi shkole: Teoriya istoricheskogo znaniya, teoriya istoricheskogo protsessa, psikhologicheskoe napravlenie*, M., Knizhnyi do «LIBROKOM», 2012.
- Dvornichenko A.Yu., Rostovtsev E.A., Barinov D.A., *Opyt kollektivnogo portreta istorikov stolichnogo universiteta Rossiiskoi imperii*, Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya, 2019, T. 64, Vyp. 1, <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.102>
- Dolgova E.A., *Iz istorii izdaniya raboty N.I. Kareeva «Obshchaya metodologiya gumanitarnykh nauk». 1922–1924 gg.*, Vestnik arkhivista, 2012, № 1.
- Dolgova E.A., *Kontseptsiya «Obshchei metodologii gumanitarnykh nauk»: Teoreticheskie poiski v gumani-tarnom znanii v 1920-e gody, Steny i mosty: Mezhdistsiplinarnye podkhody v istoricheskikh issledovaniyakh*, M., RGGU, 2012.
- Dolgova E.A., *«Obshchaya metodologiya gumanitarnykh nauk» N. I. Kareeva (1850–1931)*, Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii, 2013, T. 6, № 2.
- Knyazev G., *Predislovie*, Lamanskii V.I. Tri mira Aziisko-Evropeskogo materika, Pg., Tip. A.S. Suvorina – «Novoe vremya», 1916.
- Kopylov S.A., *Pis'ma Mikhaila Grushevskogo Vladimiru Lamanskomu*, Gumanitarnyi vector, 2010, № 4 (24).
- Kruchkovskii T.T., Nechukhrin A.N., *Pol'skaya problematika v tvorchestve N.I. Kareeva*, Gistarychnaya navuka i gistarychnaya adukatsyya ŷ Respublitsy Belarus', Minsk, Universitetskoe, 1995, Ch. 2, Susvetnaya gistoryya.
- Kupriyanov V.A., *Rossiya i Evropa v rannem i pozdnem slavyanofil'stve (A.S. Khomyakov i V.I. Lamanskii)*, Solov'evskie issledovaniya, 2018, № 2 (58).
- Lapteva L.P., *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX veke*, M., Indrik, 2005.
- Robinson M.A., *V.I. Lamanskii i ego traktat «Tri mira Aziisko-Evropeskogo materika»*, Slavyanskii al'manakh. 1996, M., Indrik, 1997.
- Rostovtsev E.A., *N.I. Kareev v srede istorikov peterburgskoi shkoly*, Nikolai Ivanovich Kareev: chelovek, uchenyi, obshchestvennyi deyatel', Syktyvkar, Izdatel'stvo Syktyvkarского universiteta, 2002.
- Tsygankov D.A., *Professor V. I. Ger'e i ego ucheniki*, M., ROSSPEN, 2010.

Статья поступила в редакцию 18.04.2019 г.